

СТИХИЯ

Олег БОРОДКИН ОКТАБРЬСКИЕ СТРОФЫ

СЕСТРА

от многих здесь остался только пшкш.
никто не заставляет вас силком.
идёт себе по городу мужик.
напьётся, сволочь, крови с молоком.

а веган зачерпнёт простой воды.
по-разному работаям мозги.
осенние кошмары до зевоты.
есть у меня жена, да нет слуш.

есть у меня сестра, да нужен брат.
порою без него не обойтись.
ты никогда ни в чём не виноват.
по трассе нынче сложно пронестись

и не попасть на свой дежурный штраф.
приятней взять хорошего вина.
любимое животное — жираф.
да здравствуют покой и тишина!

да здравствует Россия, наше всё!
родной промкошкой
местностью болныи.
мы души обязательно счастливы.
я вижу удивительные сны.

приснились вдруг невеста и жених.
красола выжигается огнём.
тихонько притворись одним из них.
шаннул, как в никуда, в доверной проём.

и обернулся Джеком Воробьём
среди других таких же мертвецов.
осенний яд давно едим и пьём.
и помним наших дедов и отцов.

традиция — нештучная вещь.
опавший лист забился под капот.
со скоророку был копчѣный лещ.
потчу змяную твердь который еод.

от глупостей себя не удержать.
не знаю, кто такие фрайера.
мужчинам не положено рожать.
зачем мне брат? — ведь есть уже сестра.

октябрь 2017 г.

ДВЕ СТОРОНЫ МЕДАЛИ

любые совпадения случайны.
любые расхождения фианя.
мы осени клиенты изначально.
нам не прожить без осени ни дня.

мы делаем осенью банальны.
да, депресса, каждый тут не без греха.
любые отклонения нормальны.
любые изувержства чепуха.

любые сны лишь отблеск
слуптых страхов.
приснилось, будто снова денег нет.
палак-октябрь зовѣт эзойти на плаху.
зарезан недописанный сонет.

мы мечемся по городу как твари.
мы шествуем по осени как лыжи.
как рыбки в невротическом угаре.
как крошки недодеженной халвы.

исправиться нельзя, поскольку поздно.
просить пощады тоже тяжело.
залежный анекдот глянет очень грозно
и вѣру хихикнет, значит, пронесло.

ну, тшпа, протелела пуля мимо.
другая плоть улжется в гробы.
мы осенью довольно уязвимы.
мы осенью циничны и зрubby.

цветает октябрь как пушкинское слово,
которое не стоит забывать.
мы осенью безвольны и суровы.
нам есть о чём болтать и что скрывать.

нам с вами удовольствий неодолаи.
взорѣется мир в один прекрасный миг.
две стороны у чѣртовой медали:
улыбка и безвучный долгий крик.

октябрь 2017 г.

"Какое право имеем мы (мозг страны) наш
дрянным буржуазным недоверием
оскорблять умный, спокойный и много знающ
революционный народ? Нервы расстроены.
Нет, я не удивлюсь ещё раз, если нас
перережут, во имя ПОРЯДКА".
Из дневника А.Блока от 19 июня 1917 года

В СВЯЗИ с наступающим столетием Октябрьской революции 1917 года в стране у нас опять взялось некое "брожение умов". Весьма разноречивое и довольно беспорядочное... Взвешенное отношение к этому событию, имевшему огромное значение в судьбах мира, никак не выгодно прежде всего кучке беспринципных и продажных дельцов с их прикормленной обслугой, захвативших власть в нашей стране и до сих пор готовых, вопреки даже инстинкту самосохранения, сдать её Западу на окончательное колониальное, по сути, разорение и грабёж.

Революция 1917 года, как известно, прошла два этапа. Первый — типично буржуазный, в февралемарте — ликвидировал самодержавную империю при явном содействии англо-французских "союзников". Черчилль тогда более чем удовлетворенно отметил, что в войне (Первой мировой) достигнута главная цель, уничтожены четыре монархии: Германская, Австро-Венгерская, Османская и — едва ли не в первую очередь — Российская, так что Британская осталась в гордом одиночестве... Второй, пролетарский этап революции в октябре военным переворотом отстранил от управления страной никауда не годное, как и царское, Временное правительство, за какие-то полгодика окончательно развалившее всё, что могло: армию, промышленность и

сельское хозяйство, снабжение, депопроизводство даже... В большинстве губерний в первые месяцы власть Советов (а какой-либо другой практически ведь и не было) устанавливалась относительно мирным путём, а значит, была некая, пусть и небольшая, историческая возможность обойтись при этом "малой кровью"... И если бы не обложившая все стороны света интервенция — в который раз! — "двунадесяти языков", и не масштабные поставки извне средств ведения войны белым армиям, то гражданская война в России могла бы довольно скоро угаснуть, не ожесточив настолько противоборствующие стороны, не принеся столько человеческих жертв и разрушений. "Наша Гражданская война была неразрывно связана с войной за независимость России — войной против интервенции Запада", — пишет по этому поводу С.Г. Кара-Мурза. И тут просто нельзя не видеть, что более движение объективно и впрямую работало на достижение главнейшей многовековой цели Запада — расчленение нашей страны сначала на оккупационные зоны, а следом, само собой, на лимитрофы, типа нынешних "стран СНГ", где никакой Россией уже не было, как говорится, и не пахло. Наивно думать, что официально (и тайно) поступивший на службу британской короне Колчак, провозглашённый "верховным правителем России", известный германский атаман Краснов, Деникин, подполковник французоз Врангелль воспротивились бы воле западных хозяев. Мы и сейчас видим, как те умеют управлять ползавшими к ним в зависимости "подопечными", — хоть по той же Украине. С Россией как единой страной без победы "красных" уже тогда было покончено.

Да, революция, Гражданская война и последовавшие за ними пересоздания государства и общества принесли неисчислимые страдания народу, по-инному в таких социальных катаклизмах быть не может. Неизбежны были в том ожесточении и огромные потери в нравственном измерении, особенно же в отношении нашей Православной веры,

Публикуется в сокращении. Полностью — в газете «День литературы» и на сайте denlit.ru

поскольку духовенство, клир "синодальной" Церкви воспринимались в революционных массах как часть свергнутого правящего класса, а новая государственная идеология нуждалась в незамедлительном реформировании сознания этих самых масс. И Церковь, кстати, в числе первых сдавшая революции "помазанника Божия", в каком-то смысле реабилитировала себя новомученичеством тысяч и тысяч исповедников, как бы подготовив тем своё нынешнее возрождение.

Вообще же, все большие, исторически значимые революции (в отличие от "цветных", так или иначе инспирированных извне) — события весьма многомерные, обусловленные целым комплексом объективных социальных, экономических и прочих причин, поэтому искать в них особые зловредные силы и персоналии — дело весьма неблагодарное, хотя и привлекательное. В ходе уже развязанной Первой мировой войны революционер Ленин (впечатлившись, вероятно, высоким на первых порах патриотическим подъёмом верхних сословий российского общества — пустым, как потом

Пётр КРАСНОВ

«ЛИМИТЫ» РЕВОЛЮЦИИ

О том, почему не стоит идти против Бога и истории

усадьбы и в девятьсот пятом, и в семнадцатом году. И жгли, только в 1905-1907 годах "красный петух" постиг 16 тысяч помещичьих усадеб — шестую часть всех имевшихся, и как это назвать, если не "крестьянской войной"?

Академик И.Р.Тарханов в статье "Нужды народного питания" тогда же подсчитал, в сопоставимых цифрах-ценах, что русский крестьянин потребляет растительной пищи в 2-4 раза, а животной — в 4-6 раз меньше, чем европейские или американские селяне, тоже тогда жившие несладко (скорее всего, эти соотношения и сейчас остаются на аналогичном уровне). Дело тогда дошло до того, что число негодных от недокорма по физическим данным рекрутов удвоилось за десятилетие с 6% до 13%, пишет А.Д. Нечволодов (данные из его книги "От разорения к достатку", изданной в 1906 году).

ПРО ОХОЖЕ, что Беловежская пуща, в которой трое общепризнанных иуд в 1991 году расчленили историческую Россию, играет для нашей страны некую мистическую роль. Именно там почти веком ранее, в августе 1897 года, другой иуда (министр финансов Российской империи, а по совместительству — рыцкий агент-ставленник западных банкирских домов Витте) подосудил на подпись императору, там охотившемуся, именную Указ о введении золотого валютного рубля, и самодержец подмахнул его не глядя, без рассмотрения на Государственном Совете и вопреки своему же предыдущему Указу о непереносимом обещании этого крайне проблемного, как оказалось потом — губительнейшего нововведения... Как раз в эти годы международная ростовщическая мафия проворачивала мирового масштаба аферу по втягиванию в "золотую кабалу" всех ведущих держав Европы и Америки, и Россия здесь была лишь одной из целей их изувержского заговора.

С этого момента Николай II окончательно обрёл Россию на безылазную финансовую кабалу у западных банкиров, на полную зависимость от их кредитов, вдобавок сразу увеличив в полтора раза государственный долг демонетизацией, выводом из денежного оборота серебра (хотя и раньше Империя "сидела на займах)... Страна, потерявшая финансовую независимость, не может считать суверенной и во всех других своих сферах деятельности, и без учёта этих весьма отягчающих обстоятельств нельзя верно судить обо всех последовавших событиях.

А они разворачивались, в масштабе историческом, стремительно. Две совершенно ненужных, всячески противопоставленных России позорных войны довершили внутренний разгром государства, ответно вызвав две революции. Особую роль тут сыграло, конечно же, Первая мировая, куда западные заимодавцы втянули царское правительство... Английский историк В.В. Готтлиб, объективно разбираясь в хитросплетениях той политики, однажды в докладе за Россию не выдерживает серьёзного тона, роняет: "Это было очень похоже на то, как заманивают осла, подвешивая морковку перед его носом..."

Русская армия воевала достойно, часто героически, но полная неготовность империи к войне, поразительная бездарность военного командования, развал и разворот воруги-тыла и сама бессмысленность этой бойни не могли закончиться ничем иным, кроме революции. Незадолго до неё

оказалось: для крестьянства же мобилизация 14 миллионов мужчин стала настоящим бедствием) выразил вполне определённый пессимизм относительно возможности русской революции в ближайшие десятилетия. Хотя в своей работе 1899 года "Развитие капитализма в России" он как оптимистом оказался куда ближе к определению её сроков, описывая кризисное и неустойчивое экономическое и социальное состояние страны, острейшие противоречия в её социуме, и события 1905 года сполна подтвердили это.

Сегодня немало развелось мажоров-"ревнителей" последнего царя и той "другой России", уже ядовито прозванных "булхорустами" ("и валсы Шуберта, и хрусст французской булки", "гимназистки румяные" и т.п.), представляющих жизнь страны начала XX века едва ли не идеальной, на самом, дескать, подъёме. Официозная либеральная пропаганда им всячески и усердно в том подбрызгает, расписывая блага отечественного капитализма того времени. Сыграла тут свою роль, несомненно, и эмоционально сильная настольная литература первой волны русской эмиграции — о "потерянном рае", об утраченных возможностях и привилегиях образованного класса. Заглянуть в документальные исторические, экономические, статистические и прочие первоисточники им, "булхорустам", как-то всё недосуд, да и, наверное, своеобразная ретро-мечта своя им куда дороже правды. Характерной же их чертой является воляная или невольная подмена-перемена местами причин следствиями, причём в итоге следствия эти предьявляются уже как обвинительный вердикт никак не соразмерный, якобы вызвавшим их причинам: какое Россия потеряли, мол, — и из-за чего и кого? Из-за каких-то, дескать, злодеев и преступников, и т.п.

Между тем крестьянство страны, составившее более 85% населения, уже в начале XX века пережило семь (!) массовых голодов, из них, по докладу Столыпина, в 1911 году "погибло 32 миллиона, потери — 1 миллион 613 тысяч человек", а вдобавок

около ста тысяч умерло от холеры... (Где вы, "ревнители", неужто забыли про "слезу ребёнка"?...) И это в мирное время, в пору восхваляемого "расцвета Империи" — почему, спросить? Статистика тут беспощадна: 31,6% крестьянских дворов были безлошадными, а это означало их крайнюю нищету. Ещё 32,1% дворов имели по одной лошади (много ли с ней напашьешь?), и как правило, даже в урожайные годы не могли дожить до нового хлеба, прибавляясь лебедой, толчёной корой и прочими "дарами природы", — а это ведь, считай, половина населения России!.. Что было хорошо поставлено, так это "царская подражёрстка", мало в чём уступающая по своей жестокости позднейшей революционной: ввиду финансового закабаления страны и провальной внешнеторгового баланса (всё, особенно хлеб и прочее продовольствие, гналось за границей) недоимки и долги взымались с крестьян и выгребались из их карманов неукоснительно, и массовые их разорение создало огромную пятимиллионную армию наёмных сельхозработчиков, батраков, всегда готовых поддержать любой бунт, жечь ненавистные барские

великий князь Александр Михайлович писал царю: "Как это ни странно, но правительство сегодня тот орган, который подготавливает революцию... Правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных...". Под "правительством" подразумевался, конечно же, сам царь, изначально негодный к управлению страной. Изумляет само это "союзничество" с Антантой, невиданное в мировой истории: воля исключительно за интересы союзников, своих не имея, Россия влезала в дополнительный огромный долг перед ними же, втридорога покупая за их кредиты у них же весьма многие виды вооружения и военного имущества. То есть вынужденная отдавать потом сам долг, ростовщические проценты на него, да ещё приносит скачущий барыш их военной промышленности. И, в довершение всего, потеряла битыми 1 миллион 670 тысяч русских солдат и около миллиона гражданских, 3,8 миллиона ранеными и 3,3 миллиона попавшими в плен, понеся при этом большие территориальные потери...

В самом начале 70-х годов XIX века, при Александре Втором, тайный советник Ф.И. Тютчев, изнутри и вблизи досконально знавший всю политику династии, отмечал всё ту же "черту, самую отличительную из всех — презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального". И потому вещей, пророческой стала его мысль: "...невозможно не предсказать переворота, который, как метлой, сметёт всю эту ветошь и всё бесчестие... Конечно, для этого потребуются не менее чем дыхание Бога — дыхание буря...". И она, эта буря, в конце концов, грянула...

Когда речь заходит о жертвах революционных и прочих репрессий и Гражданской войны, все эти обвинители почему-то как один молчат о том, что жертвы "русского социализма" не составляют и сотой, может, доли тех поистине чудовищных гекатомб и преступлений, какие совершил и продолжает на наших глазах творить в мире капитализм, для него-то каких-либо моральных запретов просто не существует.

Важно, что это был, по сути, "пассионарный взрыв" русского и других народов страны, предказанный теми же Тютчевым и Чаадаевым и направленный на создание, претворение в действительность лучших общечеловеческих замыслов и чаяний, на достижение и обретение социально-экономических, культурных и духовных ценностей, благ — в том их понимании, какое существовало условиями времени.

Царской ли, буржуазной ли России, не случись Октября 1917-го, Запад никогда бы не дал вызовиться из финансовой удавки, из уготованного ей заранее положения сырьевой полуколонии, вечно отсталого "периферийного капитализма". Но успехи СССР, ставшего одной из сильнейших и самых развитых держав мира, — только одна сторона Октябрьской революции. Вторая заключается в том, что совершалась она не в интересах развития и господства какой-то нации, а в интересах развития всего человечества, для всех, кто страдал от вековойной несправедливости и угнетения, пытался завоевать или отстоять свободу свою и национальную независимость. Не стало выразителя, защитника и помощника всех "униженных и оскорблённых" — и без него "мировое сообщество" весьма явно деградировало, одичало, с утратой равновесия двух систем откатилось в нулю, то и дело сотрясаясь всевозможными кризисами и силами нестабильности...

И это поражение идей равенства и правды-справедливости в СССР-России воспринялось во всём мире и, несомненно, ощущается всеми людьми доброй воли, прежде всего, как поражение человека вообще, поражение как разумного социального существа с его стремлением к лучшему, основанному на нравственных началах будущему. Капитализм в его любых национальных формах напрочь отрицает это, он всегда был и остаётся хищником по своей природе, основой которой и является психофизиологический "низ", взявший ныне верх над человечеством. Оправится от этого поражения вселенский человек не скоро — прорывы такого масштаба, как Великий, без всякого преувеличения, Октябрь, пригтовляясь в народах веками. Историки и философы разберутся, в какой мере считать это крушением (пусть и временным) идеального в мировом социуме; но в том, что эта мера весьма значительная, сомнения нет. И не приходится быть пророком, видя, что при всём прелестном "ускорении прогресса" человечество ожидает, скорее всего, долгие серые будни-десятилетия международной грызни за гегемонию, рынки, территории, недра, даже за пресную воду, и что за всё это оно продолжает расплачиваться самой дорогой ценой: кровью невинных и невосполнимой пагубой душ.

И если мы — "венец творения", то история испытывает нас, прежде всего, на способность быть человеком, жить по высшим человеческим законам, а не по законам животного мира. В этот раз мы не выдержали экзамена, но сама задача перед нами, перед лучшим, что есть в нас, не снимается.

Вышел из печати, поступает к подписчикам и в продажу октябрьский (2017, № 10), выпуск газеты "ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ". В номере — переводная Петра КРАСНОВА о 100-летии Великого Октября; поэзия Андрея КОЗЫРЕВА, Елены КРЮКОВОЙ и Игоря МАЛЬЦЕВА, главы из новой книги Антония БАЙБОРОДИНА, посвящённой Виктору АСТАФЬЕВУ; публицистика Александра КИСЕЛЕВА, Александра КЛИМОВА, Александра ЛЕОНИДОВА, Захара ПРИБЛИГИНА, Антония САПУЦКОГО, Валерия СКРИПКО и Елены СУДАРЕВОЙ. Светланы СУПРУНОВОЙ, Владимира БОНДАРЕНКО пишет о прозе Павла КРЕНЕВА, Андрей КАНАВШКОВ — о Лазаре КАГАНОВИЧЕ. Вячеслав ЛЮТЫЙ — о поэзии Сергея ДОНЕЯ. Михаил ТАРКОВСКИЙ — о педагогических методах Николая АЛЕКСАНДРОВА. Кроме того, публикуется обращение писателей в защиту Олега ПЛАТОНОВА, выступления Вячеслава КУПРИЯНОВА на открытии книжной ярмарки в Белграде и Алексея ШОРОХОВА — на IV Сельневских чтениях. Как всегда, читатели могут ознакомиться с хроникой писательской жизни.

"ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ", ведущую литературную газету России, спрашивайте в редакциях газет "День литературы" и "Завтра", а также в книжных лавках СП России (Комсомольский пр., 13), Литинститута (Тверской бульвар, 25), ЦДЛ (ул. Б.Никитская, 53). Наш телефон: 8-499-246-53-11, 8-916-015-80-69; e-mail: Denlit@yandex.ru; электронная версия: http://denlit.ru/.

Главный редактор — Владимир БОНДАРЕНКО.

Александр ПРОХАНОВ ШОН-КАПЮШОН

Вслед за Шоном шёл Алексей Алексеевич Венедиктов и проверял содержимое страничек своих сотрудников. У Ольги Журавлёвой он нашёл на страничке запись, которая гласила: "Здесь побывала рота Псковской воздушно-десантной дивизии. И мы ещё вернёмся". У Ольги Журавлёвой была такая надпись: "Здесь находились лесорубы, было тепло, но сыро". На страничке Оксаны Чиж "Мы, зэки колонии строгого режима, когда нас помещали на страничку, думали, что это карцер, а это курорт". На страничке Майи Пешковой, как на стене пещеры, была начертана надпись: "Иди вперед до конца". Алексей Алексеевич Венедиктов пошёл вглубь Майи Пешковой и, не захватив с собой фонарь, шёл на ощупь. Он пробрался сквозь Майю Пешкову три дня и вышел на волю через её рот, дышал свежим воздухом и не мог надышаться. Когда хакер Шон пошёл на страничку у Юрия Кобалдзе и Антона Ореха, они вместо тихого сдавленного "ой" громко кричали и оглашали окрестности нецензурной бранью.

Алексей Алексеевич Венедиктов убедился в том, что никакого заговора нет. Посовещавшись с СБУ, он решил выдать замуж своих сотрудниц за ведущих политических деятелей Украины. Ольгу Бычкову он выдал за Порошенко, Ольгу Журавлёву выдал за Яценюка, Оксана Чиж вышла за Тягнибока. Майя Пешкова вышла за Яроша. Евгения Марковна Альбац вышла за Коломойского. Ксения Ларина уже давно любила Саакашвили и заключила с ним брак не по расчёту, а по любви. Юрий Кобалдзе женился на Юлии Тимошенко, а Антон Орех попросил руки у Надежды Савченко, и та пустила его к себе. Все свадьбы игрались одновременно в Киеве. Весь день был салют и ходили демонстрации с флагами. На

свадьбах в качестве почётных гостей были представители Евросоюза, а также НАТО и МВФ. Поздравления новобрачным прислали президент США Трамп и канцлер Германии Ангела Меркель. Праздник продолжался дотемна, и наступила брачная ночь. Молодые мужья решили проникнуть к своим новым жёнам на странички. Но они не знали, что писатель Проханов, связанный с ГРУ, устроил им ловушки. Он незаметно проник на страничку каждой из новобрачных и установил там капканы. Когда Порошенко проник на страничку к Ольге Бычковой и утробился в неё, он попал в капкан и оказался в ловушке. Арсений Яценюк, забыв о всякой осторожности, полез на страничку к Ольге Журавлёвой, но угодил в капкан и тоже оказался в ловушке. Все крупные политики Украины почти одновременно, оказавшись в опочивальнях со своими супругами, полезли к ним на странички, угодили в капканы и застряли на этих страничках. Они бились, желая вырваться из ловушки. Они прыгали, отталкивались от земли одновременно двумя ногами, а из их животиков и кожаных сумок выплывали политические деятели Украины и кричали: "Кто не скачет, тот москаль".

Таким образом молодое государство Украины лишилось всего политического руководства, и наступило безвластие, грозившее хаосом. Но на помощь брат-

скому народу Украины пришёл Станислав Александрович Белковский, который откликнулся на зов СБУ и возглавил Украину. Чтобы успокоить и консолидировать народ Украины, он решил отправиться походом на Крым и вернуть Крым в родную украинскую гавань. Он собрал вокруг себя батальоны "Азов" и "Восток", отправился в Крым, но решил идти не в обход, а напрямую кратчайшей дорогой, используя для этого навигационную систему GPS. Он включил навигатор и стал продвигаться в Крым. Впереди как главная ударная сила двигалось скачущее стадо кенгуру, и, увидев это стадо, противник в панике разбегался. Посёлки и города сдавались без боя. Станислав Александрович Белковский, облаченный в камуфляж, чувствовал себя великим полководцем и освободителем. Наконец он привёл своё войско в Крым и выступил на митинге перед жителями Крыма с пламенной речью, в которой поздравлял крымчан с освобождением и просил привести к нему на суд командование Черноморского флота. Но из толпы ему отвечали: "Таких нема". Тогда он потребовал, чтобы к нему привели активистов, посаженных в крымские законодательные органы Москвы. И на это ему ответили, что таких нема. Тогда он потребовал, чтоб к нему на суд привели прокурора Поклонскую, мечтающую о возрождении Российской империи, где Украине уделялось место заброшенной провинции. Но и на это ему отвечали: "Такой нема".

Станислав Александрович Белковский стоял среди народа на площади и произносил свои пламенные речи. И какая-то женщина, стоявшая в первых рядах, одетая в вышиванку, глядя на Станислава Александровича Белковского, сказала: "Який гарний хлопчик. Таких у нас в Жмеринке давно не бывало". И тут Станислав Александрович понял, что он пришёл не в Крым, а в Жмеринку, потому что хитроумный писатель Проханов, связанный с ГРУ, испортил его навигатор и искажал координаты маршрута. Но он не растерялся и решил из Жмеринки вести народ Украины в Европу. Он собрал весь народ Украины,

сам облачился в баранью шкуру, взял посох, надел на ноги сандалии и, как Моисей, повёл свой народ в Европу. Перед ним скакали воинственные кенгуру, и из кожаных сумок раздавались яростные крики: "Даёшь Европу!". Наконец, Станислав Александрович Белковский, пастырь украинского народа, привёл свою утомлённую паству в Европу и оказался в Ватикане. Он попросил жителей Ватикана, чтобы его отвели к Папе Римскому, где он хотел принять католичество. Его привели в чертог, где на кресле восседал Папа, облачённый в длинные белые одежды, и Станислав Александрович Белковский кинулся целовать папскую туфлю. Он просил Папу отпустить ему грех неведения, из-за которого он по ошибке крестился в православие, и теперь желал перейти в католичество. Папа благосклонно отнёсся к просьбе Станислава Александровича Белковского. Он взял стоящий рядом с ним священный сосуд и выпил на голову Станислава Александровича белую жидкую субстанцию. На вопрос Белковского "что это?" Папа ответил: "Это манна небесная". Станислав Александрович попробовал субстанцию, она действительно напоминала манную кашу.

Станислав Александрович Белковский стал рассказывать Папе, как он решил перевести все православные приходы Украины под юрисдикцию Ватикана. Понтифик благосклонно слушал. Потом появились два папских нунция. Они были огромного роста, облачённые в белые одеяния, в белых сапожках, на которых красными нитками были вышиты крестики. Они стали читать по латыни какие-то тексты, начертанные на длинных бумажках. И Станислав Александрович Белковский различал латинские слова "стрептоцитус", "пургенус", "аспиринус". И он сказал папским нунциям: — Какое счастье оказаться в Ватикане в знаменитом баттистерии.

— Лучшая психиатрическая больница в Диканьке. Наш пациент называет себя Папой Римским, и мы, психиатры, прописываем ему успокоительное, а также слабительное. Это очичает не только его желудок, но и разум.

И Станислав Александрович Белковский понял, что пришёл не в Европу, не в Ватикан, а в Диканьку. Опять его перекричал лукавый писатель Проханов, связанный с ГРУ: ввёл в навигатор ошибку, и Станислав Александрович со всем украинским народом ходил по кругу.

Станислав Александрович Белковский хотел упасть со скалы и разбиться, потому что позор его был невыносим. В помощь ему явился хакер Шон. Он носил тёмный плащ с капюшоном, и все его называли Шон-капюшон. Он стал подходить к кенгуру, которые были жёнами самых видных украинских политиков, и разблуживал их странички. Из их кожаных сумок выскакивали на волю освобождённые политики, и Украина вновь обрела своё политическое руководство. Станислав Александрович Белковский раздумал бросаться со скалы и вернулся в Москву, где выступал на крупных столах, в политических клубах и рассказывал о проблемах Украины. В конце своих выступлений он снимал штаны и показывал собравшимся свои ягодицы, на одной из которых была татуировка трубуца. Эту татуировку сделали ему добровольцы батальона "Азов". Участники крупных столов рассматривали трубуцу, и дивлялись, почему левая ягодица Станислава Александровича Белковского вдвое больше правой.

А что касается писателя Проханова и хакера Шона, то они подружились и играли в покер, пока Шона не отозвала СБУ, чтобы дать ему новое задание. А писатель Проханов вернулся в Москву, где издал свою книгу "Русский камень". В этой книге рассказывалось, как Александр Глебович Невзоров решил стать одноклеточным, а остальные, лишние клетки подарить Юнусу, владельцу петербургской гостиницы "Гельвеция", чтобы Юнус из яйцеклеток выращивал аппетитный шпинат.